

вѣческая есть нѣчто болѣе, чѣмъ матеріаль, и даже больше, чѣмъ клѣточка въ организмѣ — имѣ вовсе даже не приходитъ въ голову. Личность для нихъ — объектъ воздѣйствія, средство; сама по себѣ она ихъ вовсе не интересуеть. Опириуя въ мышленіи своемъ лишь большими людскими массами, С. Булгаковъ не думаетъ о томъ, что, быть можетъ, онъ просмотрѣлъ и растерялъ самое цѣнное — индивидуальность, ея достоинство, ея права, ея свободу. Онъ не видитъ, что однимъ изъ главныхъ результатовъ европейской войны и ея русскаго плода — большевиизма — было поражение индивидуалистическихъ тенденцій, отбросившее насъ на нѣсколько вѣковъ назадъ: съ такимъ трудомъ завоеванныя и утвержденныя права личности — вновь теперь отняты. Вновь личность, закрѣпощенная, растворяется въ классѣ, въ городѣ, въ націи, въ государствѣ, въ церкви, и обращается этими «Левіаѳанами» въ простое орудіе достиженія собственныхъ какихъ-то цѣлей. Собесѣдники въ діалогахъ Булгакова не чувствуютъ, не видятъ проблемы личности, не понимаютъ трагической антиномичности ея въ современной культурѣ. Но, повторяю, взгляды, настроенія С. Булгакова въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и типичны: нашу военную и послѣ-военную эпоху можно было-бы опредѣлить, какъ сумерки индивидуальности, и, быть можетъ, здѣсь именно и кроется наибольшая опасность для европейской культуры.

Рабиндранатъ Тагоръ. — ДОМЪ И МІРЪ (La Maison et le Monde. — Rabindranath Tagore. Traduction française par E. Roger-Cornaz. Payot, Paris).

Появившійся только-что во французскомъ переводѣ послѣдній, большой романъ Рабиндранатъ Тагора — произведеніе совершенно-исключительное по значительности и силѣ мысли, по яркости и законченности художественныхъ образовъ. Передъ нами, безъ сомнѣнія, одно изъ наиболѣе крупныхъ и совершенныхъ созданій міровой литературы за два первыхъ десятилѣтія текущаго столѣтія.

До сихъ поръ мы знали, главнымъ образомъ, Рабиндранатъ Тагора, какъ религіознаго лирика. Но въ послѣднемъ своемъ романѣ онъ является передъ читателями, какъ эпикъ, какъ реалистъ и точный наблюдатель, оставаясь, однако, самимъ собою, тѣмъ-же поэтомъ мистикомъ, котораго мы знали и любили. Въ этомъ гармоничномъ сочетаніи тонкаго психологическаго анализа, глубокой созерцательности, спокойной, объективной повѣствован-

тельности и лирическаго одушевленія — своеобразная прелесть, волнующее очарованіе романа или, точнѣе — поэмы Рабиндранатъ Тагора, въ личности котораго сплелись, объединенные до полного отождествленія, художникъ, моралистъ, мыслитель и мистикъ.

Совершенно особое впечатлѣніе, производимое этимъ романомъ, то необычайное ощущеніе свѣжести и новизны, которое онъ возбуждаетъ, вызваны отчасти, конечно, и той удивительной, парадоксальной для насъ, полной противорѣчій средой, въ которую вводитъ читателей авторъ, среду культурныхъ индусовъ, аристократовъ и революціонеровъ, пылкихъ патріотовъ, влюбленныхъ въ свою страну, въ ея вѣрованія и традиции, мечтающихъ объ освобожденіи ея, но впитавшихъ въ себя вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе утонченную европейскую цивилизацію, читающихъ дневникъ Амеля, переводящихъ Броунинга, цитирующихъ Ницше. Они работали въ университетахъ, путешествовали по Европѣ и въ мышленіи своемъ объединяють ученія Бхагаватъ Гиты съ теоріями европейскихъ философовъ. Этотъ міръ, намъ совершенно незнакомый, намъ чуждый, художникъ дѣлаетъ близкимъ, понятнымъ, не уничтожая въ то-же время его своеобразія, его исключительности; онъ заставляетъ насъ полюбить его, признать его значительность.

Для насъ, русскихъ, романъ Рабиндранатъ Тагора представляетъ особое значеніе и долженъ вызвать въ насъ, мнѣ кажется, повышенный къ себѣ интересъ.

Дѣйствительно, и мы также для Европы — чужаки; мы пришли къ ней какъ-бы извнѣ, со стороны; мы вовсе не принимали участія въ выработкѣ ея культуры или, во всякомъ случаѣ, очень мало и получили отъ нея культуру эту въ готовомъ, такъ сказать, видѣ, приспособляя ее затѣмъ болѣе или менѣе удачно къ своимъ потребностямъ, къ своимъ особенностямъ. Но все-же, частью своего существа, а также и исторически (черезъ Византію) мы — европейцы, западные люди. Съ европейской семьей народовъ сближаетъ насъ и религія, несмотря на внутреннія отличія православія отъ католичества, и протестантизма. Къ тому-же, Западу мы можемъ противопоставить слишкомъ мало въ смыслѣ культурныхъ, объективных цѣнностей, ибо все, что мы создали въ этой области — иконопись, напр., церковная архитектура — идетъ отчасти отъ того-же Запада и восходитъ почти всегда въ конечномъ итогѣ къ эллинизму. Но Индія имѣетъ свою собственную культуру, древнюю, своеобразную, богатую; во многихъ отношеніяхъ полярную европейской, равную ей въ своемъ родѣ, кое въ чемъ превосходящую ее. Здѣсь нынѣ Востокъ дѣйствительно сталкивается съ Западомъ, и борьба ихъ, и взаимное проникновеніе протекають въ современной Индіи съ исключительной силой и напряженностью. Здѣсь мы, русскіе, находимъ поэтому по-

ставленными въ наиболѣе рѣзкой, до предѣла обостренной формѣ нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которыми болѣемъ и мы. Здѣсь, быть можетъ, и вырабатывается сейчасъ та новая культура, которая должна явиться синтезомъ Востока и Запада. Въ этомъ отношеніи мѣръ, раскрываемый передъ нами Рабиндранатъ Тагоромъ, представляется гораздо болѣе значительнымъ и цѣннымъ, сложнымъ и богатымъ, чѣмъ тотъ, который являетъ намъ Китай и, въ особенности, Японія: Въ Японіи происходитъ своеобразная европеизація, при которой отъ Европы берется ея техника, ея вооруженіе, ея научные методы; они просто присоединяются къ старой восточной культурѣ; духъ послѣдней пребываетъ почти неизмѣннымъ и пропасть между нимъ и Западомъ остается незаполненной. Иное, повидимому, происходитъ въ Индіи: тутъ мы имѣемъ дѣйствительное сближеніе между обѣими цивилизаціями, своеобразный процессъ осмоза, при которомъ индусская интеллигенція пріобщается къ самому духу европейской культуры, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ своего національнаго чувства.

Романъ написанъ во формѣ чередующихся отрывковъ изъ дневниковъ трехъ героев: владѣтельнаго князя, Никхиль, его жены — Бимала и индускаго патріота, революціонера и демагога — Сандипъ. Вокругъ нихъ — нѣсколько эпизодическихъ персонажей: учитель раджи-Шандранатъ Бабу; юноца, послѣдователь Сандипа — Амулія; сестра раджи... Въ жизни княжескаго дома съ новизною смѣшались старинные обычаи. Никхиль кончилъ университетъ въ Калькуттѣ; у него обширная бібліотека. Бимала беретъ уроки англійскаго языка, причесывается и одѣвается по-европейски. Но, признается она, когда по просьбѣ мужа ей пришлось впервые одѣть башмачки, она заплакала отъ стыда. Въ домѣ женщины отдѣлены отъ мужчинъ, и Бимала и Никхиль видятся лишь въ опредѣленные часы. Одѣтая въ европейскій, декольтированный корсажъ Бимала, однако, по древнему обычаю раскрашиваетъ киноварью проборъ въ своихъ волосахъ; эта красная черта — знакъ высокаго достоинства супруги. И совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена, Бимала, желая оказать почтеніе мужу или учителю его, «стираетъ пыль съ ихъ ногъ». Вполнѣ счастливая, она живетъ, не зная міра, ограниченная предѣлами своего дома, своего хозяйства, которые представляются ей вселенной. Нѣжно любящій ее Никхиль хочетъ ввести ее въ мѣръ, но она отказывается. Въ странѣ, однако, растетъ націоналистическое движеніе; оно принимаетъ сначала лишь экономическія формы: это «Свадешп», систематическій бойкотъ иностранныхъ товаровъ». Во главѣ патріотической партіи стоитъ Сандипъ Бабу. Появленіе его въ домѣ раджи нарушаетъ тихую жизнь этого мірка. Бимала увлечена бурной проповѣдью патріота-революціонера, за которымъ бѣгутъ толпы учениковъ. Она под-

чиняется его влиянію и очень быстро, конечно, охвачена любовью къ нему. Изумительное мастерство проявляетъ авторъ въ описаніи этого сложнаго чувства, въ которомъ патриотическій и религіозный восторгъ сочетаетсяъ съ исключительно чувственнымъ влеченіемъ къ человѣку, эгоизмъ котораго и грубость Бимала видить ясно, котораго она даже презираетъ, но которому противостоять она не въ силахъ.

Никхиль и Сандипъ — два противоположныхъ представителя современной индуской интеллигенціи. Въ первомъ—европейская образованность сочетаетсяъ съ тишично индусскимъ, подернутымъ аскетизмомъ и морализирующимъ міровозрѣніемъ. Онъ — ученикъ браминской философіи. Понимая и любя Европу, онъ любитъ и свою страну; но въ патриотизмѣ его нѣтъ ничего исключительнаго, наступательнаго; онъ хочетъ свободы и расцвѣта родины, не для того чтобы она была могущественнѣе всѣхъ, но для того чтобы могла она осуществить свои задачи, для того чтобы черезъ нее восторжествовала нравственная правда, которую онъ прозрѣваетъ. Истина — вотъ единственная цѣнность. Но само по себѣ торжество той или другой націи не имѣетъ никакого значенія. На этой почвѣ и происходитъ расхожденіе между нимъ и революціонерами, Сандипомъ и собственной женой:

«Я готовъ, говорить онъ, служить моей странѣ; но обожаніе свое я храню для Истины, которая гораздо выше моей страны. Обожать страну свою, какъ бога, значить обречь ее на несчастье и горе».

— Исторія всѣхъ странъ, воскликнула я (Бимала), исторія Франціи, точно также какъ и исторія Англіи, исторія Германіи и Россіи не является-ли исторіей грабежей, совершенныхъ ради отечества?

— Они должны будутъ отвѣтить за эти грабежи. Ихъ исторія еще не закончена.

— Какъ-бы то ни было, возразилъ Сандипъ, почему не послѣдуемъ мы ихъ примѣру? Начнемъ съ заполнения сундуковъ нашего отечества награбленными богатствами; а затѣмъ, въ теченіе вѣковъ, если это будетъ необходимо, понесемъ какъ дѣлаютъ эти страны, отвѣтственность за совершенные грабежи. Но, я васъ спрашиваю, гдѣ усматриваете вы эту «отвѣтственность» въ исторіи?

— Когда Римъ оплачивалъ свои грѣхи никто этого не зналъ. Его благоденствіе казалось безпредѣльнымъ. Но развѣ вы не видите, что эти политическіе мѣлки, которые народы носятъ за своими спинами, трещатъ отъ обмановъ и предательствъ и тяжестью своей ломаютъ ихъ хребты?

Никхиль заноситъ свой дневникъ: «я считаю слабостью всякую силу, дѣйствующую насиліемъ. Лишь слабые не имѣютъ мужества быть справедливыми; они хотятъ избѣжать обязанности

быть справедливымъ и пытаются добиться быстрыхъ результатовъ сокращенной дорогой несправедливости... Желаніе дать страстямъ нашимъ мѣсто самой Истинной — вѣрный знакъ рабства... Умъ Сандипа изощренъ, но природа его вульгарна; вотъ почему онъ украшаетъ благозвучными именами свои желанія, самыя эгоистичныя... Но Бимала боготворитъ Сандипа, какъ героя, и я колеблюсь говорить съ ней объ этомъ, изъ боязни чтобы ревность не толкнула меня неволью на какое-нибудь преувеличеніе».

Мы сказали-бы, что Никхиль, къ которому авторъ чувствуетъ, повидимому, особенную нѣжность, что Никхиль—толстолицъ, если-бы мы не знали какъ многимъ обязано толстовское ученіе индуизму и, въ частности, буддизму.

Сандипа можно было-бы назвать нищепанцемъ, въ самомъ популярномъ смыслѣ этого слова. Онъ, во всякомъ случаѣ — типичный аморалистъ. Отъ Европы онъ воспринялъ иное тѣмъ, Никхиль: не утонченность ея культуры, не поэзію ея, искусство, мышленіе; но культъ силы, преклоненіе передъ успѣхомъ. Идеаломъ его патріотическаго воодушевленія являются великія державы Запада; имъ уподобить онъ хотѣлъ-бы Индію, съ тѣмъ, конечно, чтобы самому управлять этой новой Индіей. Онъ признается въ своемъ дневникѣ: «значительный человѣкъ говоритъ: что мнѣ предназначено, то мнѣ принадлежитъ; и слабый человѣкъ соглашается. Но великій урокъ всей исторіи сводится къ слѣдующему: то, что я могу силой вырвать у другихъ, мнѣ принадлежитъ по праву. Каждый человѣкъ по природѣ своей имѣетъ право владѣть, и поэтому жадность вполнѣ естественна. Мудрость природы запрещаетъ намъ примириться съ нуждою... Моральные идеалы нужны лишь печальнымъ, анемичнымъ созданіямъ, объятія которыхъ слабы, голодны желанія. Тѣ, которые хотятъ всею душою своею и наслаждаются всѣмъ своимъ сердцемъ, тѣ, которые не испытываютъ ни сомнѣній, ни укоровъ совѣсти, тѣ именно избранники Промысла... Природа отдается; но отдается лишь грабителю. Ибо любить она яростное желаніе, похищеніе, ограбленіе. Гирляндою своего согласія она не оплетаетъ костлявой шеи аскета... Я стыжусь? Нѣтъ, мнѣ никогда не бываетъ стыдно. Я прошу того, чего желаю, а иногда — сначала беру, а потомъ лишь—прошу... Міръ, гдѣ мы находимся, есть міръ реальный. Когда человѣкъ покидаетъ реальный міръ съ пустыми руками или съ пустымъ желудкомъ, наполнивъ свой мѣшокъ лишь высокими, звонкими словами, я спрашиваю себя: зачѣмъ онъ приходилъ въ этотъ жестокой міръ?»

Иногда кажется, что Сандипъ прочелъ нашего Санина. На самомъ дѣлѣ индусская мысль давно уже знала аморалистовъ и крайнихъ эпикурейцевъ.

Бимала, однако, сопротивляется, и когда однажды Сандипъ

пытается объять ее, она его отталкивает. Но, не колеблясь, она для него, для патриотическаго дѣла обкрадывает кассу мужа. Никхиль понимаетъ, что онъ потерялъ жену, но онъ не хочетъ насильно удержать ее; онъ предоставляетъ ей свободу, которой, однако, она отказывается воспользоваться, ибо Сандипъ все-же пугаетъ ее, и жадность, съ которой онъ взялъ деньги, внушила ей отвращеніе. Но пропаганда Сандипа и его учениковъ возымѣла свое дѣйствіе; Никхиль, который отказывается содѣйствовать силою движенію «Свадешии», обвиняютъ въ предательствѣ англичанамъ. Пытаясь скрыть свой проступокъ, Бимала запутывается еще болѣе, прикрываетъ одно воровство другимъ. Въ концѣ концовъ Сандипъ принужденъ уѣхать; но Никхиль раненъ смертельно во время возстанія. Бимала одна.

Противоположность двухъ пониманій задачъ и судьбы націй, индусскаго и европейскаго, выражена очень ясно въ слѣдующей записи изъ дневника Сандипа:

«— Успѣхъ, котораго вы ищете, сказалъ мнѣ однажды Никхиль, искупается лишь цѣною души. Но душа драгоцѣннѣе успѣха.

Я отвѣтилъ просто:

— Ваши слова слишкомъ туманны.

— Это не моя вина, отвѣтилъ Никхиль. Жизнь нельзя опредѣлить, точно машину... Душа не столь проста, какъ успѣхъ, и вы потеряете ее, если вы будете искать осуществленія ея лишь въ успѣхѣ.

— Гдѣ-же это чудесная душа?

— Тамъ, гдѣ она знаетъ себя, въ безконечности, надъ всякимъ успѣхомъ.

— Но какъ примѣнить эту теорію къ той работѣ, которую мы совершаемъ ради нашей родины?

— Наилучшимъ образомъ: тамъ, гдѣ отечество хочетъ быть нашей цѣлью, единственною и послѣднею, оно пріобрѣтаетъ успѣхъ своей цѣною души. Тамъ-же, гдѣ оно признаетъ, что Величайшее все же больше его, успѣха быть можетъ оно не достигнетъ, но пріобрѣтетъ за то душу...

Я понимаю въ сущности точку зрѣнія Никхиль. Я слишкомъ хорошо ее понимаю. Я родился въ Индіи; ядъ спиритуализма течетъ и въ моихъ жилахъ... Подобныя аномаліи часты сегодня въ нашей странѣ. Мы жаждемъ одновременно и религіи, и патриотизма, и «Бхагаватъ Гиты» и «Банда Матарамъ» (начало патриотической пѣсни: «привѣтъ! родина мать!»). Но отъ этого страдаетъ и то и другое. Получается нѣчто вродѣ концерта, въ которомъ англійскіе духовые инструменты слились-бы съ нашими національными флейтами... Я хочу, чтобы побѣдилъ военный стиль Запада, но не восточный стиль Индіи!»

Не болѣемъ-ли мы тѣмъ-же раздвоеніемъ? Не слышны-ли его отголоски и въ Діалогахъ С. Булгакова?

Но для Рабиндранатъ Тагора отвѣтъ повидимому ясенъ; идеаль его — нравственный, религіозный; мощь великихъ западныхъ державъ его не прельщаетъ. Никхиль для поэта—прообразъ новаго человѣка, представитель той новой культуры, которую породить оплодотворенный Западомъ Востокъ.

Б. Шлецеръ.

Ж. Рони (Старшій). ФАКЕЛЫ И ПЛОШКИ. Литературныя воспоминанія. (Torches et Lumignons). Изд. La Force française.

Ж. Рони — единственный почти нынѣ представитель одной изъ наиболѣе шумныхъ и блестящихъ, если не значительныхъ, эпохъ французской литературы XIX в. То было время — три послѣднія десятилѣтія — пышнаго развитія и побѣднаго шествія реализма и претендовавшаго быть его завершеніемъ — натурализма, въ лицѣ братьевъ Гонкуръ, Альфонса Додэ, Мопассана, Золя, Гюисманса, позднѣе отъ нихъ отколовшагося. Далеко уступая этимъ писателямъ по силѣ дарованія, Рони все-же принадлежалъ къ ихъ группѣ, и въ исторію литературы онъ войдетъ несомнѣнно, если и не вмѣстѣ съ ними, то сейчасъ-же вслѣдъ за ними; хотя онъ-же, одинъ изъ первыхъ, рѣшился протестовать противъ крайностей натурализма послѣ выхода въ свѣтъ «Земли» Золя.

Воспоминанія Ж. Рони, близко знавшаго всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ художниковъ слова конца прошлаго вѣка, вращавшагося въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ кругахъ, принимавшаго участіе во многихъ журналахъ и газетахъ, интимнаго друга братьевъ Гонкуръ, членомъ академіи которыхъ онъ состоитъ, эти воспоминанія могли-бы быть чрезвычайно интересными; въ нихъ ожидаешь найти цѣнный матеріалъ для характеристики людей, настроеній и мыслей этой богатой эпохи; вѣдь умственная исторія этихъ послѣднихъ десятилѣтій представляется намъ еще чрезвычайно смутной. Но ожиданія читателей обманываются, и книга Рони въ этомъ отношеніи разочаровываетъ. Въ гораздо еще большей степени, чѣмъ извѣстный «Журналъ» братьевъ Гонкуръ, она обнаруживаетъ какъ трудно бываетъ даже крупной сравнительно личности подняться хотя-бы на краткое мгновеніе надъ собою, надъ своими привычками, интересами,